

ВОЗМОЖНО ЛИ ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В ГЕОПОЛИТИКЕ?

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, email: nrozov@gmail.com

Розов Н.С. 2023. Возможно ли верховенство права в геополитике? *Полис. Политические исследования.* № 1. С. 159-172. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.12>. EDN: DFEQVE

Статья поступила в редакцию: 22.08.2022. Принята к публикации: 03.11.2022

Аннотация. В статье обсуждается вариант будущего миропорядка, наиболее соответствующий современным гуманистическим ценностям и правовым принципам, а также главные препятствия и возможные пути его становления. Статья выстроена как политико-философская и дискуссионная. Речь идет об ограничении пресловутой “анархии” международных отношений на последовательных правовых основаниях, чего требуют острота и масштаб современных конфликтов. Указаны основные вехи продвижения идей права в вопросах войны и мира с особым вниманием к вкладу российских юристов-международников второй половины XIX – начала XX вв. Показано, почему нынешние институты (во главе с Советом Безопасности ООН) не справляются с актуальными задачами предотвращения войн. Рассмотрены основные проекты реформ нынешнего порядка регулирования, большинство которых остались нереализованными. Принципиальное решение состоит в том, что геополитика (сфера войны и мира, территориальных споров) должна регулироваться системой международных судов под эгидой ООН, принудительная сила вердиктов которых может и должна быть обеспечена коалицией ведущих глобальных и региональных держав. При этом дипломатические переговоры и военные, принудительные действия получают вспомогательную роль в отношении к праву, деятельности и вердиктам авторитетного суда. Решения и действия национальных правительств, ограниченные сейчас, в условиях “анархии” международных отношений, прежде всего, конкретной расстановкой сил, выйдут на новый уровень общей безопасности и предсказуемости. Рассмотрены основные препятствия к установлению такого порядка, намечены пути их преодоления, основные этапы продвижения к утверждению верховенства права в будущей глобальной и региональной геополитике.

159

Ключевые слова: геополитика, верховенство права, международное право, международный суд, правовой миропорядок, Совет Безопасности ООН, разрешение конфликтов, гуманные порядки.

Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена.

Иммануил Кант, “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане” (1784)

Для того чтобы право международное могло слагаться в систему положительных законов, необходим прежде всего такой орган, который черпал бы его из сознания народов и, в форме защиты, проводил бы его в действительную жизнь.

В этом задача суда. [...] Великое, даже единственно серьезное возражение против международного третейского суда заключается в вопросе о силе, долженствующей приводить в исполнение решения этого суда. Но и в этом деле, как во всяком другом вопросе публичной жизни, необходимо создать в пользу его общественное мнение, которое есть главный двигатель событий.

Граф Л.А. Камаровский, “О международном суде” (1881)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

“Эпоха турбулентности”¹ миропорядка сочетает серию войн, военных конфликтов с участием ведущих (“великих”) держав и связанные с ними волны революций. Периоды относительной геополитической и социальной стабильности между этими эпохами, как правило, характеризуются установлением некоей системы безопасности во главе с “мировой державой” (или коалицией сильнейших держав), а также преимущественным распространением определенных принципов внешней и внутренней политики, социально-экономических структур, идейных и ценностных оснований мировоззрения [Модельски 2003; Розов 2019a].

С учетом достигнутого морального и социального прогресса, выросшей нетерпимости к агрессии и массовому насилию, актуальная эпоха турбулентности стала широко трактоваться как *ненормальное состояние*, требующее существенного обновления мирового порядка, прежде всего, в сфере геополитики² [Bielen 2021; Menon 2022].

Геополитика как реальность — это сфера социальных взаимодействий по вопросам военно-политического контроля территорий (можно говорить также о *геополитике как науке*, изучающей эту сферу [Война и геополитика 2003; Коллинз 2015; Розов 2016]). Здесь же речь пойдет об идеях, организациях, практиках и порядках, направленных на регулирование данных взаимодействий.

Верховенство права (rule of law) в государстве означает, что политики и руководители любого уровня в своих решениях и действиях должны подчиняться установленным законам, даже если это противоречит их интересам, а при нарушениях — подвергаться установленным в законе наказаниям.

Далее речь пойдет о перспективах реализации *верховенства права в геополитике*, когда не только каждый политик может быть обвинен и осужден за нарушения на основе авторитетной международной юрисдикции, но также может быть признано виновным конкретное государство (его правящие органы) по итогам открытого состязательного разбирательства. При явном нарушении, суд должен иметь возможность принять срочный и обеспеченный коалиционной силой вердикт, прежде всего, по защите какого-либо

¹ Термин “эпоха турбулентности” вошел в глобальный дискурс после издания в 2007 г. книги мемуаров бывшего председателя Федерального резерва США Алана Гринспена: “Эпоха турбулентности: приключения в новом мире” (в русском переводе “Эпоха потрясений...” [Гринспен 2010]).

² “По сути, приоритеты политики, которым должна служить такая радикальная реорганизация глобальных отношений, это смещение авторитета и власти с нынешнего геополитического узла на стремление к глобальной справедливости, экологической устойчивости, более глубокой институциональной включенности в глобальные сети и договоренности. Это означало бы довольно резкий переход от геополитической автономии к более правовому мировому порядку с эффективными механизмами, которые служат всему человечеству (! — автор статьи), а не сосредоточены на благополучии его отдельных территориальных частей”. См. From a dysfunctional world order to a sustainable future: an interview with Richard Falk. *Global Policy*, 07.01.2020. <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/07/01/2020/dysfunctional-world-order-sustainable-future-interview-richard-falk> (accessed 02.09.2021).

государства или народа от внешней агрессии, а также по защите населения от геноцида (массовых убийств) или этноцида (принудительного, насильного лишения этнической или языковой идентичности).

Нет никаких гарантий того, что нынешняя эпоха турбулентности завершится установлением такого глобального правового порядка. Важно задать вектор направлению на такой порядок для политических сил, движений, институтов, лидеров, ориентированных на мирное и гуманное будущее.

Правовые подходы к осмыслению войны начались с классического труда Гуго Гроция [Гроций 1994] и развивались в XVIII в. в трудах таких мыслителей как Руссо и Кант.

С середины XIX в. в европейской политико-философской и правовой мысли шло особенно активное и интеллектуально богатое обсуждение способов ограничения и предотвращения войн, в том числе на правовых основах, посредством третейских судов и постоянно действующего международного суда.

Российские ученые – Д.И. Каченовский, М.Н. Капустин, Л.А. Камаровский, Т.Ф. Степанов, В.М. Гессен, В.А. Уляницкий, Ф.Ф. Мартенс, В.А. Незабитовский, В.П. Даневский, А.Н. Стоянов и др. – хорошо знали эти проекты и дискуссии, выступали с собственными содержательными идеями и инициативами.

Для обсуждаемой темы особое значение имеет фундаментальный труд графа Л.А. Камаровского³ *“О международном суде”*, где автор в деталях обсуждает воззрения десятков западноевропейских юристов-теоретиков как раз об институциональном и правовом регулировании вопросов войны и мира. Эта книга была переведена на французский – язык мировой дипломатии той эпохи. Вот как трактовал Камаровский значимость подчинения “высокой политики” безопасности ведению права и международного суда:

“Безопасность – первое требование для каждой формы общежития. Но мы знаем по историческому опыту, что насилия и беззакония между людьми сокращаются по мере введения и укрепления юридического порядка. Такой же порядок немыслим без суда, как органа специально призванного охранять объективное право и давать юридическую защиту субъективным правам членов известного союза [...] Когда раз создастся международная юрисдикция, она силою вещей будет втягивать в свой круг все большее число даже политических споров, потому что окрепнувшее чрез нее право дает общие начала для их всестороннего и беспристрастного обсуждения. А с перенесением какого бы то ни было спора, частного или политического, на почву права, он уменьшается в объеме и теряет в силе, так как чрезмерно субъективные воззрения и претензии сторон не выдерживают юридической, на строгой справедливости основанной критики, но рассеиваются как туман пред солнцем” [Камаровский 1881].

Эта цитата и фрагмент, вынесенный в эпиграф, показывают высокий уровень обсуждения и ясного понимания значимости верховенства права, главенствующей роли международного суда в вопросах войны и мира, достигнутый почти полтора столетия назад. Не утерян ли он в современных дискуссиях?

С начала XX в. наращивались усилия по правовому упорядочению военной сферы. Именно по инициативе России в 1899 и 1907 гг. в Гааге были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, заложившие основу

³ Леонид Алексеевич Камаровский (1846-1912) – юрист-международник, заслуженный профессор и декан юридического факультета Московского университета. Исполнял обязанности ректора Московского университета, был членом-корреспондентом Петербургской академии наук по разряду историко-политических наук.

DIXI: международного гуманитарного права и предотвращения войн средствами права. Тогда же был впервые учрежден международный суд [Саямов 2017]. Здесь очевиден ключевой вклад именно российских юристов-международников. Неслучайно тот же Камаровский был членом Гаагской палаты третейского суда, членом международного третейского суда.

Создание Лиги Наций, а затем ООН с Международным судом, Нюрнбергский процесс после Второй мировой войны, определение агрессии в резолюции ООН 1974 г. были крупнейшими вехами внедрения миротворческих идей и принципов права в сферу геополитики.

В последние десятилетия в теории международных отношений, прежде всего в американской литературе, много пишут о надгосударственном регулировании и даже правлении. Речь идет вообще о международных организациях, где Международный уголовный суд ООН фигурирует вместе с ВТО, МВФ, НАТО, СБ ООН. Все они называются надгосударственными институтами; подчеркивается, что это не настоящие правительства [Krasner 2000; Buchanan, Keohane 2004; Buchanan 2018]. О специфике суда, значимости и верховенстве права обычно речь не идет, что печально отличает современные дискуссии от смелых правовых идей и проектов западноевропейских и российских юристов-международников XIX в.

Популярны попытки, как раз с апелляцией к международным институтам, оправдать превентивные войны, интервенции в качестве “справедливых войн”, будто бы эти институты снижают риски неправомерного использования таких жестких мер [Buchanan, Keohane 2004]. Подобные идеи вызывают вполне убедительную критику [Vinx 2007].

162 КАК СЕГОДНЯ РЕГУЛИРУЕТСЯ ГЕОПОЛИТИКА: ПАРАДОКС “БЕСПОЛЕЗНОГО ГЛАВЕНСТВА”

Вызовы XXI в. связаны с кардинально выросшей требовательностью в плане защиты мира, человеческих жизней, причем в экстренном режиме. Вместе с тем, характер современной геополитики остается преимущественно неправовым, что кажется вполне естественным по следующим причинам:

1) пресловутая “анархия” международных отношений [Wendt 1992] означает отсутствие какой-либо глобальной монополии легитимного насилия, тогда как многочисленные идеи и планы учреждения “всемирного правительства” не были реализованы, поставлены под вопрос, если уже вовсе не дискредитированы [Babic, Wojanik 2013];

2) геополитические решения готовят дипломаты, а принимают политики, лидеры суверенных государств, преследующие обычно национальные, коалиционные, нередко эгоистические, партийные, групповые интересы, причем такое устройство международных отношений и в теории, и на практике считается нормальным и непреложным⁴;

⁴ Ср.: “Лишенные часто основательного знакомства сверяемыми им делами, без твердости характера и убеждений в нравственном отношении, дипломаты в своем ослеплении полагают, что они творят историю и играют преданиями и желаниями народов нередко по произволу сильных мира сего, от которых, впрочем, они поставлены в большую зависимость. Но помимо этих недостатков есть другая, более главная причина, делающая из дипломатов весьма смутный орган для распознавания и развития права: дипломаты служат не только правительствам, которые их назначают, но и специальным интересам конкретного государства. Благо последнего для них верховный закон. Так и должно быть, но отсюда следует то, что международное право по природе составляет для них нечто придаточное, постольку лишь реальное, поскольку оно, по их мнению и по воле владык, которым они служат, совпадает с интересами их государства, или, говоря точнее, владычествующей в данный момент партии” [Камаровский 1881].

3) СБ ООН, способный принимать обязательные резолюции с международно-правовым статусом (даже при отвлечении от блокирующего эффекта права вето, см. ниже), является именно органом политиков и дипломатов, но отнюдь не собственно правовым органом, не судом.

Фактическая подчиненность решений Международного Суда в Гааге Совету Безопасности задана в нормативном ключе статьей 94 Устава ООН:

“1. Каждый Член Организации обязуется выполнить решение Международного Суда по тому делу, в котором он является стороной.

2. В случае если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение”.

В реальности же либо государства не выполняют эти решения, либо сам суд воздерживается от возбуждения процесса, особенно когда ответчиком выступает сильная военная держава, не говоря уж о постоянных членах СБ ООН. Руководство ООН неоднократно напоминало лидерам государств о соблюдении пункта 1 статьи 94, но эти призывы остались лишь благопожеланиями.

Пункт 2 этой статьи вполне прозрачно показывает реальную расстановку сил. Устав не накладывает никаких обязательств на СБ ООН по исполнению решений Международного суда. Фактически полная свобода действий отдается пяти постоянным членам Совета. Тем самым вполне откровенно политические интересы *“великих держав” признаются в Уставе ООН приоритетными над судебными решениями, а значит и над самим международным правом.* В этом и состоит фактическое главенство (гегемония) этого органа, легитимность которого зиждется не на воле народов и какой-либо избирательной процедуре, а только на политических итогах Второй мировой войны.

Непредубежденный взгляд на сам принцип устройства СБ ООН позволяет говорить о его удручающей архаичности по сравнению с правовыми порядками современных демократий. По сути дела, собираются представители нескольких могущественных держав — победителей в давнишней войне и “законных” держателей ядерного оружия. Они выслушивают друг друга и решают, принуждать ли, наказывать ли кого-то из них же (или державу с меньшими рангом и силой), либо нет. Поскольку действует принцип вето, солидарного решения и действия почти никогда не получается. “Главенство” на поверку оказывается бесполезным⁵. Наиболее ярко эта приоритетность частных политических интересов “великих держав” проявляется во всей долгой истории наложения вето на проекты резолюций СБ ООН⁶.

⁵ “Гутерриш признал, что ‘Совет Безопасности больше не соответствует’ сегодняшней динамике международных сил, и что в настоящее время существует ‘серьезная конфронтационная обстановка’ среди постоянных членов Совета, обладающих правом вето: США, Китая, России, Великобритании и Франции. Эти державы пытались — и во многих случаях не смогли — предпринять значимые коллективные действия почти по всем актуальным вопросам современности... ‘При таком разделенном Совете Безопасности, как этот, трудно принять санкции или жесткие меры против любого режима в мире, даже если [эти санкции и жесткие меры] полностью оправданы’, — признал Гутерриш” [цит. по: Friedman 2018]. См. также обсуждение претензий к структуре и порядку работы СБ ООН [Thibault 2020].

⁶ Чаще всего право вето использовалось СССР/Россией, несколько реже США (преимущественно относительно резолюций, направленных против политики Израиля), Великобританией (как правило, вместе с США, Францией или одиночное в отношении Южной Родезии) и Китаем (обычно в паре с СССР/Россией). Реже всего использовала право вето Франция, последний раз — в 1989 г. вместе с США и Великобританией против резолюции, осуждающей вторжение США в Панаму.

Паллиативом становятся коллективные решения группы держав о санкциях как наказании государства-нарушителя, например Кубы, Ирана, Израиля, Северной Кореи, Китая, СССР, Российской Федерации. Однако такие резолюции оказываются всегда уязвимыми для критики как политически и корыстно мотивированные. Далеко не всегда эти резолюции выполняются государствами (через пресловутый “обход санкций”).

На самом деле ситуация практически зашла в тупик. Чтобы изменить Устав ООН и в целом⁷, и относительно права вето, в частности, необходимо согласие всех постоянных членов СБ ООН, но это ущемляет каждую державу как раз в ее статусе “величия”, поэтому смело можно ожидать отвержения любых таких предложений.

ГЛАВНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕФОРМ

Уже давно звучат голоса о том, что ООН изжила себя, бюрократизировалась и стала почти бесполезной для обеспечения мира на планете, вопреки тому, что именно это было объявлено первоначально ее основной функцией. Неоднократно предлагалось помимо ООН создавать новую коалицию держав, настроенных на мир и демократию (“Коалицию Свободы” и т.п.), которая будет выполнять функции СБ ООН, но уже не будет ограничена блокирующим принимаемые решения правом вето.

Главной проблемой такой альтернативы является легитимность, международное признание. Скорее всего, такой проект будет воспринят в мире как сугубо западная – “капиталистическая”, “проамериканская” – инициатива причем с небескорыстными намерениями. Другие, незападные и недемократические проекты мирового порядка (панисламский, китайский, евразийский, радикальный левый, радикальный “зеленый”, анархистский с отрицанием вообще государственности, границ и проч.) также вряд ли способны преодолеть ограниченность своей собственной поддержки.

Наиболее широко обсуждаются планы расширения состава СБ ООН, в том числе состава его постоянных членов. Один шаг в этом направлении был сделан в 1965 г., когда число временных членов Совета было расширено с 6 до 10. Множественные другие проекты расширения остаются только на бумаге⁸.

Третьей альтернативой является создание дополнительного органа в рамках ООН и силами ООН, например, “платформы быстрого реагирования” (“emergency platform”) с более скорым порядком принятия решений и действий, опять же не скованным правом вето. При ее реализации, даже если будет выигрыш, то он, скорее всего, будет полностью подорван соперничеством за верховенство и авторитет с тем же СБ ООН.

⁷ “Реформирование Совета Безопасности – это двухэтапный процесс. Во-первых, для принятия плана реформы необходимо, чтобы как минимум 128 членов Генеральной Ассамблеи проголосовали ‘за’. При голосовании воздержавшиеся или отсутствующие не учитываются, и на этом этапе нет требования, чтобы все постоянные члены проголосовали за утверждение плана. Во-вторых, после утверждения плана Генеральной Ассамблей он должен быть ратифицирован национальными законодательными органами двух третей стран-членов, включая все страны – постоянные члены. В результате невозможно проголосовать за реформу, с которой не согласны великие державы Второй мировой войны” [Martini 2009: 9].

⁸ Критические обзоры проектов см.: [Голованов 2011; Morris 2000; Afoaku, Ukaga 2001; Blum 2005; Nadin 2014; Thompson, Landgren, Romita 2022; Friedman 2022]. Наиболее детально разработанные планы расширения СБ ООН с учетом регионального представительства, величины экономики и населения содержатся в работах [Hartwig 2008; Schwartzberg 2013]. Критика такого рода подходов, основанная на отрицании прямой связи между представительством состава Совета, силой, величиной его членов и эффективностью его деятельности, изложена в статье [Nadin 2014].

Четвертый вариант делает упор на ограничение, отмену или способы преодоления права вето. Множество копий было поломано в соответствующих попытках⁹. Последнее интересное, но так и не принятое предложение состоит в добавлении в статью 27 Устава ООН пункта, позволяющего преодолеть вето большим двойным большинством, которое представляет не менее двух третей стран-членов и двух третей населения мира¹⁰.

Отметим, что во всех этих направлениях, в десятках проектах не подвергается сомнению руководящая и решающая роль государств, их лидеров и правительств. Делаются акценты на справедливость представительства, на срочность, оперативность, эффективность, но *нигде последовательно не проводится принцип верховенства права*.

Любые скорые атаки на СБ ООН и Устав ООН ожидаемо проваливаются. Остается вариант долгой, многосторонней и хорошо продуманной осады, хотя военная эскалация и ее предполагаемые драматические итоги вполне способны подстегнуть разработку и принятие назревших реформ. Принципиальное решение по обеспечению верховенства права в геополитике заключается в замене почти бесполезного главенства “клуба победителей” на *глобальный правовой порядок с системой авторитетных международных судов, вердикты которых обеспечены принудительной силой*.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО МИРОПОРЯДКА

Идейное ядро общих правовых принципов уже заложено в статьях *Декларации прав человека ООН*. Действительное и надежное выполнение этих норм означало бы, по сути дела, реализацию гуманных порядков с принципом *антропростасии* (защиты человека [Розов 2019b]), по крайней мере, значимой степени в продвижении к таким порядкам.

Нарушителями могут быть государства, международные корпорации, а также всевозможные политические движения, борющиеся за власть или за смену режима и включающие в свой арсенал средства насилия. Кроме четко сформулированных признаков нарушений должны быть указания на санкции разного типа и разной тяжести. Особенно сложной проблемой является нормативное регулирование *профилактики правонарушений в международной сфере*. С одной стороны, очевидно, что лучше дело не доводить до “горячей войны” или до кровавой разрушительной революции, а значит международное сообщество должно иметь правовые рычаги воздействия на потенциального нарушителя. С другой стороны, нарушения еще нет, обвинения в опасной угрозе весьма трудно доказать и, тем более, оправдать налагаемую санкцию.

Допустим, некая держава концентрирует войска у границ соседнего государства, не давая приемлемых объяснений. Потенциальная жертва агрессии должна иметь возможность не только направить ноту с выражением “озабоченности”, не только пожаловаться союзникам, но подать иск в международный суд.

Для такой возможности уже должна быть правовая норма, регулирующая данную сферу отношений. Власти соседней державы, принимая решение о передвижении войск, тем более о планируемом нападении, должны учесть все неминуемые последствия. Санкции за нарушения, чреватые развязыванием

⁹ См. обзор предложений по преодолению права вето: [Thompson, Landgren, Romita 2022].

¹⁰ Derviş, K., Ocampo, J.A. (2022). Ukraine’s Tragedy Spur UN Security Council Reform? *Project Syndicate*, March 3. <https://www.project-syndicate.org/commentary/ukraine-war-proposal-for-un-security-council-reform-by-kemal-dervis-and-jose-antonio-ocampo-2022-03> (accessed 10.11.2022).

DIXI: войны, должны быть настолько весомы, чтобы надежно блокировать любые призывы к агрессии и даже к ее подготовке.

При этом, нередко более эффективен принцип “пряника”, а не “кнута”. Европейский опыт показал весьма действенными перспективы признания, легитимации, принятия в региональное сообщество, в привилегированный клуб с лучшими условиями торговли, кредитования, инвестиций, визового режима и т.п.: лишь бы государство выполняло установленные правила регионального или глобального масштаба.

ПРАВО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛНОЦЕННЫМ БЕЗ НЕЗАВИСИМОГО СУДА

Итак, требуется создание системы международных судов под эгидой ООН по вопросам безопасности, сепаратизма / самоопределения наций, демаркации границ, расположения военных баз, крупных военных операций, особенно за пределами своих границ, конфликтов, связанных с торговлей оружием, наркотиками и т. п.

В трехъярусной структуре (с национальным, региональным и глобальным ярусами), вероятно, должен быть установлен принцип субсидиарности, хорошо показавший себя в функционировании Европейского Союза: все локальные проблемы решаются на максимально низком уровне иерархии и только при необходимости передаются на более высокие уровни.

Открытость и состязательность судов, свободная критика и другие формы общественного контроля служат хоть и не абсолютным, но достаточно высоким барьером для возможных злоупотреблений. Камень преткновения здесь – авторитет каждого суда, соответственно, его полномочия и способы, гарантии выполнения (имплементации) вердиктов. Такие вердикты вполне могут быть неприятными и даже невыносимыми для нынешних “почтенных вождей”: вывести войска из соседнего государства, вернуть аннексированную территорию, убрать военную базу, аэродром или ракетные установки, уничтожить там-то и тогда-то такие-то запасы оружия и т.п.

При этом дипломатические переговоры и военные, принудительные действия, играющие сейчас самую видную, если не главную, роль в геополитике, получают более скромную вспомогательную функцию. Дипломатия и применение силы, судя по всему, никогда не исчезнут из мировой политики. Однако они не только обязаны учитывать установленные правовые рамки, но сами призваны способствовать осуществлению права. Значит, в конфликтных ситуациях переговоры и вооруженная сила коалиции ведущих держав должны быть направлены на реализацию вердиктов международного суда.

Решения и действия национальных правительств ограничены сейчас, прежде всего, расстановкой сил в “анархии” международных отношений, иногда воспринимаемой ошибочно. По этим причинам планируемые “маленькие победоносные войны” нередко превращаются в затяжные побоища, причем чреватые крахом самих агрессоров. При установлении бесспорного авторитета и силой правового миропорядка внешняя политика государств выйдет на новый уровень общей безопасности и предсказуемости.

Выполнение решений международных судов прямо зависит от достижения кратного превосходства поддерживающей эту систему коалиции по отношению к любому нарушителю. Разумеется, такой порядок установится только при условии добровольного признания этой системы, согласия сильнейших мировых держав подчиняться вердиктам суда, что означает *существенное ограничение их суверенитета*.

ГЛАВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ И УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Необходимость ограничения национального суверенитета обсуждалась и была признана на уровне руководства ООН еще в конце прошлого века¹¹. В будущем правовом миропорядке государства должны нести реальную ответственность на нарушения, причем не по конъюнктурно меняющейся политической воле государств и их альянсов, а согласно вердикту авторитетного международного суда.

Ни на что подобное сегодня не согласятся Иран, Китай, Россия, Турция, Саудовская Аравия, Индия, Пакистан, Бразилия. Вполне вероятно солидарное противодействие со стороны авторитарных режимов бывшего “второго” и “третьего” миров, которые увидят в новой правовой системе очередную попытку “Запада” (“золотого миллиарда”, “белого постколониализма” и “мировой капиталистической системы) навязать остальному миру свои правила для сохранения и укрепления собственного господства.

Трудности этим не ограничиваются. Консолидированные демократии, известные своим уважением к закону и праву (внутри своих границ!), такие как США, Израиль, Великобритания, Франция и Германия также отнюдь не готовы ограничивать свой суверенитет. Например, Соединенные Штаты, во внутренней политике которых авторитет суда до последнего времени был практически непререкаем, во внешней политике ориентированы в большей мере на собственный произвол. Так США бомбили Сербию без санкции СБ ООН, начали Вторую Иракскую войну не только без такой санкции, но и без согласия даже союзников по НАТО.

Большие проблемы также связаны с неочевидностью универсального характера международных правовых норм, особенно для обществ, признающих священными собственные моральные, политические и правовые традиции, например, исламские, православные, иудаистские, буддийские, индуистские. Вера лидеров сверхдержав, бывших и актуальных империй в их “историческую исключительность”, “миссию” и т.п. является не меньшим, а то и большим препятствием.

Значит ли это, что в настоящее время нет возможности установить правовой миропорядок с эффективной системой судов, и следует отвергнуть эту идею в качестве пустого мечтания, забыть о ней?

Только упорные усилия по вовлечению интеллектуальных элит, философов права и юристов-практиков, представляющих такие конфессиональные и национальные традиции, в общую работу на разных уровнях по созданию единой правовой системы будут способствовать преодолению указанных ментальных и культурных препятствий. Однако этого недостаточно.

Очевидные трудности по включению держав в связывающую их глобальную правовую систему, которые кажутся сейчас непреодолимыми, предстанут в ином свете по мере эскалации конфликтов, *усиления глобальной турбулентности при одновременном росте нетерпимости к массовому насилию*. Только серия явных провалов в обуздании агрессоров совместно с широким обсуждением,

¹¹ “Государственный суверенитет, в его самом основном смысле, подвергается переопределению – а не глобализации и международному сотрудничеству. Государства теперь повсеместно ставят на службу своим народам, а не наоборот. Понятие суверенитета, под которым я подразумеваю фундаментальную свободу каждого, обновляется в Уставе ООН и последующих международных договорах, и на него распространяется сознание прав личности. Сегодня мы более чем когда-либо осознаем, что его целью является защита людей, а не защита тех, кто злоупотребляет властью над ними”. См. Annan K. Two concepts of sovereignty. *The Economist*, 16.09.1999. P. 49-50. <https://www.economist.com/international/1999/09/16/two-concepts-of-sovereignty> (accessed 10.11.2022).

DIXI: упорным продвижением и популяризацией необходимости эффективной системы международных судов будут способны привести политических лидеров к кардинальному переосмыслению глобального будущего и построению принципиально новых структур защиты мира.

Поскольку речь идет о будущих коммуникациях, осмыслении происходящего на разных уровнях и коллективных решениях, политическая наука не способна обоснованно сформулировать необходимые и достаточные условия преодоления вышеуказанных препятствий. Непременной остается только общая рамка таких условий: 1) сочетание трагических событий, вызывающих настолько сильное разочарование в имеющихся институтах, порядках регулирования, что необходимость их преобразования становится общим консенсусом, 2) наличие “на столе альтернатив” проекта правового миропорядка.

ПРИМЕРНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ К ВЕРХОВЕНСТВУ ПРАВА В ГЕОПОЛИТИКЕ

Устройство судов, их взаимодействие, порядок выбора судей — все эти специальные вопросы преждевременны, и если когда-нибудь будут решены, то лишь силами правомочных и профессиональных международных органов¹². Путь к упорядочению мировой геополитики на принципах гуманизма, решающей роли международного права и результатов открытых состязательных судебных процессов не может быть прямым, легким и быстрым. Перечислим главные направления, которые могут быть как этапами, так и линиями параллельного движения:

— *уточнение международного законодательства* действий государств в сфере геополитики со спецификацией юридических норм (производство и продажа вооружений, передвижения и концентрация войск, разведка, диверсии, военная пропаганда, разные типы агрессии, защита от нее, союзнические операции, военные преступления и т.д.);

— *разработка мирных экономических и политических мер, имеющих характер санкций для нарушителей и профилактики нарушений*, а также информационных, культурных и образовательных стратегий миротворчества;

— *создание внутри ООН и вне ООН региональных соглашений или органов, утверждающих свою подчиненность судебным вердиктам*, готовых разными средствами их исполнять¹³; целесообразно использовать здесь идеи “платформы быстрого реагирования” (“emergency platform”);

— *проектирование и создание более развернутой и оперативной системы международных судов*, порядка их работы, взаимодействия с государствами, с ООН, другими международными организациями и между собой;

— *когда эти суды возьмут на себя решение серьезных конфликтов*, а сильнейшие державы каждого континента с этим согласятся, суды обретут необхо-

¹² Назначение судей правительствами не допустимо, поскольку противоречило бы принципу независимости международных судов. Скорее всего, некая всемирная ассоциация юристов-международников при ООН будет избирать их на конкурсной основе. Вероятно также учреждение комитета выборщиков из самых авторитетных действующих и бывших судей с безупречной репутацией. Разумеется, должны быть квоты и ограничения для каждого состава судей, чтобы не было откровенного доминирования представительства каких-то стран и регионов (например, Северной Америки и Западной Европы).

¹³ Такие возможности предусматриваются в Уставе ООН, например, статья 52 гласит: “1. Настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации”.

димый авторитет и легитимность и не будут восприниматься в мире как орудие надменных, корыстных “капиталистических гегемоний” для укрепления своего могущества, привилегий и возмездия “провинившимся”;

– создание и расширение *коалиции государств*, поддерживающих кодекс законов и решение спорных вопросов в открытых и состязательных судах; по возможности, включение в коалицию максимального числа настоящих и бывших *временных* членов СБ ООН; приобщение хотя бы двух или трех *постоянных* членов СБ ООН если не прямо в коалицию, то в постоянные консультации по ее деятельности;

– попытки привлечения СБ ООН к разрешению острых конфликтов, войн с массовыми жертвами; в случаях бездействия последнего (вполне вероятного из-за использования права вето) *самостоятельные действия этих коалиций по исполнению решений суда*;

– *подготовка разных версий реформы* СБ ООН с учетом новой действующей системы и накопленного опыта; серии широких обсуждений, особенно в государствах-членах СБ ООН (постоянных и временных), в специальных комиссиях и на заседания Генеральной Ассамблеи ООН с целью достижения квалифицированного большинства членов ООН, настроенных на реформу;

– создание обстоятельств (от моральной атмосферы до институциональных условий), при которых *постоянным членам СБ ООН станет выгоднее согласиться на реформу, чем противостоять ей*;

– институционализация поддержки норм и судебной системы через построение коалицией соответствующих *структур принудительного, в том числе военного, силового характера*, для выполнения судебных вердиктов, когда остальные меры показали себя недостаточными;

– *признание (формальная ратификация)* норм и системы судов государствами, вначале ведущими, наиболее сильными и авторитетными, а затем всеми остальными; ратификации должно сопутствовать неформальное, реальное признание этих норм правящими, авторитетными, силовыми элитами, включение их в политическую культуру наций;

– *мониторинг и открытые обсуждения* таких действий; подготовка и реализация *необходимых реформ* в законодательстве, судебной системе и реализации вердиктов; популяризация нового порядка разрешения международных конфликтов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СМЕЛОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КАНТА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПРАВДАННОСТЬ

Некоторые идеи Иммануила Канта, высказанные почти два с половиной века назад, казались тогда не меньшей, если не большей утопией, чем принцип верховенства права в геополитике. Многие вполне справедливо возводили проекты Лиги Наций и ООН к его проекту “великого союза народов”, а также к подхваченной и развитой Кантом идее “вечного мира” (пока что так и не реализованной).

В известной статье Канта о смысле мировой истории уже содержится смелый ход мысли: законосообразность (читай: верховенство права) *во внутренней жизни государств* с необходимостью должна быть дополнена строгой *законосообразностью международных отношений*.

Не окажутся ли реальные и крупные достижения XX в. в развитии международного права лишь промежуточными в масштабе глобального плана Канта по правовой защите каждого человека и каждого общества от насилия и войны?

“Положение седьмое. Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных **внешних отношений между государствами** и без решения этой последней не может быть решена. Что толку добиваться законосообразного гражданского устройства для отдельных людей, т.е. создания **общественного организма!** Та же необщительность, которая заставляет людей объединяться, опять-таки служит причиной того, что каждый общественный организм во внешних отношениях, т.е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется полной свободой. Следовательно, государства должны ожидать друг от друга таких же несправедливостей, как те, которые притесняли отдельных людей и заставляли их вступать в законосообразное гражданское состояние <...> разум мог бы подсказать им [государствам] и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов (*foedis Amphictyonum*), от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли. Какой бы фантастической ни казалась эта идея и как бы ни высмеивались ратовавшие за нее аббат Сен-Пьер и Руссо (может быть, потому, что они верили в слишком близкое ее осуществление), это, однако, неизбежный выход из бедственного положения, в которое люди приводят друг друга и которое заставляет государства принять именно то решение (с какими бы трудностями это ни было сопряжено), к которому дикий человек был также вынужден прибегнуть, а именно пожертвовать своей животной свободой и искать покоя в безопасности и законосообразном устройстве” [Кант 1994: 20-21].

170 Поставим в этом фрагменте на место “законосообразного гражданского устройства” *гуманные порядки с антропростасией*, т.е. защищающие каждого гражданина, его жизнь, свободу, неотъемлемые права и достоинство, а на место “законов объединенной воли” — *уточненную систему международного права*; поставим на место “животной свободы дикого человека” *фетиши абсолютного национального суверенитета*, а на место “союза народов” — *эффективную систему международных судов, поддержанную ответственной коалицией сильнейших держав*. Тогда кажущаяся “утопичность” верховенства права в геополитике предстанет в новом свете — как принципиально исполнимый исторический проект продвижения человеческого рода к прочному миру на планете и гуманным порядкам в обществах.

DOI: [10.17976/jpps/2023.01.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.12)

IS THE RULE OF LAW POSSIBLE IN GEOPOLITICS?

N.S. Rozov^{1, 2}

¹ *Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Russia*

² *Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk, Russia*

ROZOV, Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, email: nrozov@gmail.com

Rozov, N.S. (2023). Is the rule of law possible in geopolitics? *Polis. Political Studies*, 1, 159-172. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.12>

Received: 22.08.2022. Accepted: 03.11.2022

Abstract. The author considers the type of future world order, which best corresponds to modern humanistic values and legal principles, as well as the main obstacles and possible ways to implement it. The article

is deliberately structured as a political-philosophical and debatable one; there are no special empirical substantiations and detailed theorizing in it. The article considers how the notorious “anarchy” of international relations can be restricted on consistent legal grounds, as is required by the acuteness and scale of contemporary conflicts. The main milestones for the promotion of law ideas in matters of war and peace with special attention to the contribution of Russian international lawyers of the second half of the nineteenth – early twentieth centuries are presented. The author shows why the current institutions (headed by the UN Security Council) fail to cope with the urgent tasks of war prevention, and reviews the main reform projects, most of which have not been implemented. The main thesis is that geopolitics (the sphere of war and peace, territorial disputes) should be regulated by a system of international courts under the aegis of the UN, the enforceability of whose verdicts can and should be ensured by a coalition of leading global and regional powers. In this case, diplomacy and military, coercive actions in the international arena will lose their current primacy in geopolitics. They will assume an auxiliary role in relation to the law, to the activities and verdicts of an authoritative court (including in the sphere of sanctions, reparations, force actions). The main obstacles to the establishment of such an order are considered, as well as the ways to overcome them and the stages of progress towards the establishment of the rule of law in global and regional geopolitics.

Keywords: geopolitics, rule of law, international law, international court, legal world order, UN Security Council, conflict resolution, humane orders.

References

- Afoaku, O.G., & Ukaga, O. (2001). United Nations Security Council reform: a critical analysis of enlargement options. *Journal of Third World Studies*, 18(2), 149-169.
- Babic, J., & Bojanik, P. (2013). World governance. Do we need it, is it possible, what could it (all) mean? Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 360 p.
- Bielen, S. (2021). Turbulence in the post-Cold War era. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 237 p. <https://doi.org/10.31338/uw.9788323553205>
- Blum, Y. (2005). Proposals for UN Security Council reform. *The American Journal of International Law*, 99(3), 632-649. <https://doi.org/10.2307/1602295>
- Buchanan, A. (2018). Institutionalizing the just war. Oxford: University Press. 334 p.
- Buchanan, A., & Keohane, R.L. (2004). The preventive use of force: a cosmopolitan institutional proposal. *Ethics and International Affairs*, 18(1), 1-22. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2004.tb00447.x>
- Friedman, U. (2018). UN secretary-general: American power is in decline, the world is ‘in pieces’. *The Atlantic*, September, 13. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/antonio-guterres-united-nations/570130> (accessed 12.11.2022).
- Hartwig, R. (2008). Squaring the circle. A regional/economic proposal for reform of the United Nations Security Council. In V. Weyel (Ed.), *The Quest for Regional Representation Reforming the United Nations Security Council. Critical currents, Occasional Paper. Series*, 4 (pp. 41-75). Uppsala: Dag Hammarskjöld Foundation. http://www.daghammarskjold.se/wp-content/uploads/2014/08/cc4_web.pdf
- Krasner, S.D. (2000). International law and international relations: together, apart, together? *Chicago Journal of International Law*, 1(1), Article 10. <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol1/iss1/10>
- Martini, E. (2009). UN Security Council reform. Current developments. IAI0926. *Istituto Affari Internazionali*, 11.11.2009. <https://www.iai.it/sites/default/files/iai0926.pdf>
- Menon, Sh. (2022). Nobody wants the current world order. How all the major powers – even the United States – became revisionists. *Foreign Affairs*, August 3. <https://www.foreignaffairs.com/world/nobody-wants-current-world-order>
- Morris, J. (2000). UN Security Council reform: a counsel for the 21st century. *Security Dialogue*, 31(3), 265-277. <https://doi.org/10.1177/0967010600031003002>
- Nadin, P. (2014). UN Security Council reform. *United Nation University*, May, 1. <https://doi.org/10.4324/9781315687254>
- Schwartzberg, J.E. (2013). Transforming the United Nations system. Designs for a workable world. United Nations University Press. 460 p.
- Thibault, J.-F. (2020). The UN Security Council isn't working. Will it ever be completely reformed? *The Conversation*, June 21. <https://theconversation.com/the-un-security-council-isnt-working-will-it-ever-be-completely-reformed-141109>
- Thompson, Sh.K., Landgren, K., & Romita, P. (2022) The United Nations in hindsight: challenging the power of the security council veto. *Just Security*, April 28. <https://www.justsecurity.org/81294/the-united-nations-in-hindsight-challenging-the-power-of-the-security-council-veto>

Vinx, L. (2007). Institutionalizing the just war? A critical comment on Buchanan. *Trames*, 11(4), 382-402. <https://www.kirj.ee/public/trames/trames-2007-4-4.pdf>

Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics. *International Organization*, 46(2), 391-425. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027764>

Collins, R. (2015). Macrohistory: essays in sociology of the long run. (Russ. ed.: Collins R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. Moscow: URSS. 504 p.).

Golovanov, E.V. (2011). Opportunities for UN Security Council reform. *Political Expertise: Political Expertise Journal*, 7(2), 165-174. (In Russ.)

Greenspan, A. (2010). The age of turbulence: adventures in a new world. (Russ. ed.: Greenspan, A. Ehpokha potryaseni. Problemy i perspektivy mirovoi finansovoi sistemy. Moscow: United Press. 550 p.).

Grotius, H. (2012). On the law of war and peace. (Russ. ed.: Grotius, H. O prave voyny i mira. Moscow: Ladomir. 870 p.).

Kamarovskii, L.A. (1881). O mezhdunarodnom sude [About the International Court]. Moscow: Typography T. Malinskogo. 542 p. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003612007

Kant, I. (1994). Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. (Russ. ed.: Kant, I. Ideya vseobshchei istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane. In Kant I. Collected works in 8 vol. Vol. 8 (pp. 12-28). Moscow: Choro Publishing House).

Modelski, G. (2003). Long cycles in world politics: basic concepts. (Russ. ed.: Modelski, G. Ob"yasnenie dolgikh tsiklov v mirovoi politike: osnovnye ponyatiya. In N.S. Rozov (Ed.). *Voyna i geopolitika. Almanah "Vremya mira"*, vyp. 3 (pp. 455-485). Novosibirsk: Novosibirsk State University Press).

Rozov, N.S. (2016). Geopolitics as a science: to cancel or to develop. *Politeia*, 3, 130-148. (In Russ.)

Rozov, N.S. (2019a). Epochs of turbulence and ways to overcome them. *Politeia*, 1, 81-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96>

Rozov, N.S. (2019b). Anthropostasia (protection of a human) is the ethical core of humanism. *Ethical Thought*, 19(1), 141-156. (In Russ.) <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-1-141-156>

Sayamov, Yu.N. (2017). The Hague Conferences 1899, 1907. *Russia and the Contemporary World*, 3, 33-46. (In Russ.)

Rozov, N.S. (Ed.). (2003). *Voyna i geopolitika. Almanah "Vremya mira"* [War and geopolitics. The almanac "Time of Peace"]. Issue 3. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press. 571 p.

Литература на русском языке

Война и геополитика. 2003. Альманах "Время мира", вып. 3. Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ. 571 с.

Голованов Е.В. 2011. Возможности реформирования Совета Безопасности ООН. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Т. 7. № 2. С. 165-174. EDN: ONHDSJ

Гринспен А. 2010. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Юнайтед Пресс. 550 с.

Гроций Г. 1994. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 870 с.

Камаровский Л.А. 1881. О международном суде. М.: Типография Т. Малинского. 542 с. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003612007

Кант И. 1994. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. *Собрание сочинений в 8 тт.* Т. 8. М.: Чоро. С. 12-28.

Коллинз Р. 2015. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС. 504 с.

Модельски Дж. 2003. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. *Война и геополитика*. Альманах "Время мира", вып. 3. Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ. С. 455-485.

Розов Н.С. 2016. Геополитика как наука: отменить нельзя развивать. *Полития*. № 3. С. 130-148. EDN: XQZSIJ.

Розов Н.С. 2019а. Эпохи турбулентности и их преодоление. *Полития*. № 1. С. 81-96. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96>. EDN: UKBTQV.

Розов Н.С. 2019б. Антропостасия (защита человека) — этическое ядро гуманизма. *Этическая мысль*. Т. 19. № 1. С. 141-156. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2019-19-1-141-156>. EDN: TFQHAU.

Саямов Ю.Н. 2017. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. *Россия и современный мир*. № 3. С. 33-46. EDN: ZKBBPH.